В. И. Максимов

О «ПОЛОНЯННЫХ ВЕСТЯХ» В «ЗАДОНЩИНЕ»

Одним из недостаточно ясных выражений в «Задонщине» являются «***полоняные*** вести», прилетевшие в Москву с Куликова поля, места битвы войска великого князя московского Дмитрия Ивановича с татарским войском ордынского хана Мамая. В дошедших до нас списках памятника неясный эпитет написан по-разному:

поломянные — Исторический второй список конца XV — начала XVI в. и список Ундольского (№632) середины XVII в.;

полоняныа — Исторический первый список конца XVI — начала XVII в.;

поломяныя — Синодальный список XVII в..

В неполных Кирилло-Белозерском (1470—1480 гг.) и Ждановском (XVII в.) списках это место отсутствует. Кстати, ни в одном случае нет формы ***полонянные*** (с двойным «н»), которая часто встречается в литературе и представляет собой осовремененную форму слова.

В современных реконструкциях текста «Задонщины»[1, 2, 3], выполненных по совокупности всех списков при взятом за основу списке Ундольского, упомянутое место выглядит следующим образом:

> «А ОндреѢва жена Марья да Михайлова жена Оксинья рано плакашася: «Се уже обѢмя нам солнце померкло в славном граде МосквѢ, припахнули к нам от быстрого Дону ***полоняныа*** вѢсти, носяще великую беду: и выседоша удальцы з борЪзыхЪ коней на суженое мѢсто на полѢ Куликове на речке Непрядве!».

При этом принятое в реконструкциях написание слова соответствует Историческому первому списку, хотя в в списке Ундольского и двух других списках, в том числе в старшем Историческом втором, слово имеет иную форму.

Такое предпочтение, видимо, восходит к работе В.П. Адриановой-Перетц[4], использовавшей в качестве основы для реконструкции текста Исторический первый список, и очевидным образом связано с основным толкованием «*полоняных* вестей» как «вестей о *пленении*».

Очевидно, в этой связи В.П. Адрианова-Перетц сохранила в своей реконструкции еще один случай употребления слова: «[Говорит Пе-

ресвет чернец] великому князю Дмитрию Ивановичу: «луче [нам потятым быть нежели] ***полоняным*** [быть] от поганых.»», также соответствующий Историческому первому списку [5] (здесь в квадратные скобки заключены вставки в текст Исторического первого списка из других списков: первая и третья — из Синодального, вторая — из списка Ундольского), что подкрепляло вероятное толкование «*полоняных* вестей» как «вестей о *пленении*». Однако это формальное, по принадлежности к списку, принятому в качестве основного, сохранение слова ***полоняным*** представляется довольно искусственным, и более поздние реконструкции, ориентированные на список Ундольского, приводят здесь форму ***полоненым***: «И рече ПересвѢт чернец великому князю Дмитрею Ивановичю: «Лутчи бы нам потятым быть, нежели ***полоненым*** быти от поганых татар!»». Очевидно, что смысл высказывания Пересвета от этого не меняется: при любом написании слова здесь, как и в аналогичной фразе Игоря «луце жЪ бы потяту быти, неже полонену быти» в «Слове о полку Игореве», речь идет о воинской чести: лучше погибнуть в бою, чем попасть в плен.

В отличие от этого места, толкование выражения «*полоняныя* вести» остается неоднозначным.

Реконструкция текста «Задонщины» традиционно базируется на очевидном постулате о его «параллельности» тексту «Слова о полку Игореве». Исходя из этого, Д. С. Лихачев считал, что описываемая этими словами ситуация является в «Задонщине» текстовым «остатком» «Слова о полку Игореве», где основные герои оказались плененными. Так, в книге ««Слово о полку Игореве». Историко-литературный очерк», сравнивая тексты двух Памятников, он пишет: «В «Задонщине» русские жены (вдовы) получают «***полоняные*** вести», т. е. вести о пленении их мужей, которые на самом деле были убиты». Объясняя это влиянием «Слова», он подкрепляет этот вывод отсылкой к тексту: «Сами вдовы называются в «Задонщине» «***полоняными*** женами» — женами пленников, а не вдовами.» [6]

Однако необходимо отметить, что упомянутые «***полоняные*** жены» существуют только в наиболее позднем Синодальном списке: «Не щурове рано воспели в Коломных городах но заборолах но воскресение христово на Акыма и Анны днес. То ти быша не щурове рано воспели, восплакалися жены ***поломяныя***, и ркучи тако: Москва, Москва, быстрая река, чему еси золелѢела мужей наших от нас в землю половецкую.» Во всех других списках, содержащих это место, читаем «жены ***коломеньские***». Именно поэтому еще В. П. Адрианова-Перетц, считая написание Синодального списка ошибочным (это следует из предпосланной ее примечаниям к текстам «Задонщины»

справки: «В примечаниях даются поправки к словам, где допущены простые описки, искажающие смысл.» [7]), предлагала в этом месте поправку ***Коломенскыя*** [8]. И эта поправка принята другими исследователями. Так, в текстах «Задонщины», представленных во 2-м издании «Слова о полку Игореве» в большой серии Библиотеки поэта и в «Сказаниях и повестях о Куликовской битве» в серии «Литературные памятники», упоминаются лишь «воеводские жены» и «жены ***коломеньские***», причем, одни плачут по «избиенным», а у других «рать мужей трудила».

Очевидно, в связи с нерешенностью вопроса о значении слова в переводе «Задонщины», выполненном совместно Л. А. Дмитриевым, Д. С. Лихачевым и О. В. Твороговым для 2-го издания «Слова о полку Игореве», оно фактически оставлено без перевода (лишь осовременено его написание — *полонянные*), а в комментарии О. В. Творогова говорится: «Это место в различных списках читается по-разному: «полонянные вести», т.е. вести о пленении, и «поломянные» — как можно предположить, вести о близких (от слова «племя»). Существует также объяснение, что «поломянные» значит «пламенные», «жгучие».» [9]

Также без перевода — *полонянные* — слово дано в «Изборнике» с примечанием Л. А. Дмитриева: «*…полоняныа вѢсти…*— вести о пленении. Употребление этого оборота в «Задонщине» объясняется зависимостью плача жен в этом памятнике от плача Ярославны в «Слове о полку Игореве».» [10]

Почему слово остается без перевода? Очевидно, потому, что оно не может быть переведено в тексте самостоятельно как *плененные*, а перевод «полоняных вестей» оборотом *вести о пленении* искажает структуру текста. И, видимо, поэтому в более позднем переводе Л. А. Дмитриева это слово передано ситуационно как ***горестные***: «Домчались к нам с быстрого Дона ***горестные*** вести, неся великую бѢду …» [11] И этот перевод означает фактическое признание того, что ни одно из предложенных объяснений употребления в «Задонщине» этого неясного слова в контексте «*полоняных* вестей», по-видимому, не может считаться достаточно удачным.

Возможно, пониманию слова может помочь другой древнерусский текст, в котором встречается этот редкий эпитет (на редкость эпитета указывает А. С. Демин [12]), — «Повесть о Дмитрии Басарге и сыне его Борзосмысле».

В том месте текста, где он употреблен, рассказывается о том, как купец Басарга, вернувшись на корабль от злого царя Несмеяна, при виде своего малолетнего сына, ездящего по-детски «на палочке вер-

хом», как на коне, и интересующегося, какое у отца горе, сокрушенно говорит: «Чадо мое **поломянное**, играеши подетски, а отцовы печали не ведаешь!» [13]

Наиболее полное описание списков «Повести о Дмитрии Басарге и сыне его Борзосмысле» приведено в исследовании М.О. Скрипиля [14]. Вот как выглядит этот эпитет в разных списках:

«поло**мянн**ое»	— ГБЛ, собр. Ундольского №923, сер. XVII в.;
	ГБЛ, собр. Ундольского №632, сер. XVII в.;
	ГБЛ, Румянцевское собр., №378, XVII в.;
	ГБЛ, Румянцевское собр., №380, XVII в. (зачекнуто, сверху — ***милое***);
«поло**нянн**ое»	— ГБЛ, Румянцевское собр., №370, XVII в.;
	ГИМ, собр., Щукина, №692, нач. XVIII в.;
«поло**нян**ое»	— ГИМ, собр. Щукина, №483, XVII в.;
«пол**няемо**»	— ИРЛИ, Карельское собр., №2, XVII в.;
«поло**нен**ое»	— ИРЛИ, Усть-Цилемское собр., №66, XIX в.

В других списках, видимо, уже в качестве перевода (ср. исправление слова в списке из Румянцевского собрания, №380) написано «милое, драгое, любимое, возлюбленное». Так, в «Изборнике» с примечаниями Л.А Дмитриева: «В основу публикуемого текста положен список ГИМ, собрание Барсова, №2392, начала XVII в., с исправлениями дефектов и ошибок по двум другим спискам этого же варианта повести (ГБЛ, собр. Ундольского, №632, собр. Румянцевское, №378)» написано «Чадо мое ***милое***!» [15].

В словаре И.И. Срезневского [16] **поломяньныи** на основании приведенного выше примера из «Повести о Дмитрии Басарге и сыне его Борзосмысле» по сп. XVII в. («Чадо мое ***поломянное***, іграеши по дѢтьски, а отцовы печали не вѢдае(ши)») толкуется как *племеной*, *родной*. Предлагается также сравнение с *пламеньныи* или *племеньныи*.

В «Словаре русского языка XI—XVII вв.» [17] на основании того же примера слово толкуется предположительно, объединяя все варианты, приведенные у Срезневского: «*горячо*, *пламенно любимый* (?), *родной* (?)».

Таким образом, имеющееся толкование слова является не только предположительным, но и весьма далеким от значения, контекстно допустимого в «Задонщине».

Здесь возникает естественный вопрос: то же ли самое это слово, что и в «Задонщине»?

Считается, что в основе «Повести о Басарге» лежит устное греческое сказание [18], а как русский литературный памятник она создана в конце XV — начале XVI в. Следовательно, по времени создания она

близка тексту, переписанному в связи со 100-летием Куликовской битвы (1480 г.) монахом Кирилло-Белозерского монастыря Ефросином и давшим этому произведению имя «Задонщина».

На первый взгляд употребление слова в этих двух текстах может не иметь ничего общего: в «Задонщине» — неодушевленные абстрактные «полоняные или поломянные вести», в «Повести о Дмитрии Басарге и сыне его» — живое и конкретное «поломянное или полонянное чадо». Тем не менее, согласовать значение слова в этих двух непохожих текстах можно, исходя из предположения о его происхождении от греческого **πολέμιζω**, **πολέμεω** — *воевать*, *воюю*.

Группа греческих слов этого корня довольно велика: **πόλεμος** — *война*, **πολέμιος — *враг*, *неприятель*, *враждебный*, πολεμικός** — *военный*, *воинственный* и др.

В наше время в европейских языках греческое слово **πολεμικά** — *военное искусство* приобрело мирное значение — *полемика*, *спор*. А в средние века полемика велась, в основном, с помощью оружия. Так что, по-видимому, русские жены в «Задонщине» говорят о *поломянных вестях* как об известиях, пришедших с поля сражения, то есть *военных известиях*, а отец малолетнего «царя Дмитриевича», в шутку или с иронией, называет своего сына *поломянным* — *воинственным*.

Не зря же тот ездит на палочке верхом, как на коне! На конях в средние века положено было ездить героическим персонажам, воинам (и в письменных памятниках, и в фольклоре). Но по сюжету сын Басарги — пока еще вовсе не герой. Именно в таких случаях мы и теперь с иронией говорим: «Аника-воин!» (от Ника — древнегреческая богиня победы). Выражение приобрело иронический оттенок в силу двойственности значения этого имени: с одной стороны — *непобедимый* как Аникей — сын Геракла и Гебы, с другой — с учетом отрицательной приставки *а*- как неудачливый (*непобеждающий*) воин, персонаж русской сказки. Однако, как показывает финал описываемой истории, ирония отца оказывается напрасной. Ясно, что автор, характеризуя юного героя, несколько забегает вперед, к кульминации повествования, где малолетний сын купца, демонстрируя свою воинственность, лихо отрубает царю голову и смело обращается к народу: «чтобы ся вам, крестьяном, поганой не смеялся». На что «все кликнуша от млада и до велика: «Много лет государю нашему, новому царю, Богом венчанному Дмитриевичю!»»».

Фонетически наиболее близким греческим словом можно считать **πολεμιόν** — *вражда*, *неприязнь* [19], которое удачно согласуется с кон-

текстом «Задонщины» — «враждебные, неприятные, злые» вести. Возможно даже толкование как «пришедшие из *вражеской земли* (**πολεμία**)» вести, поскольку земля за Доном, безусловно, считалась вражеской территорией, а сам переход через Дон и бой на чужой территории являлись предметом особой гордости победителей и давали автору «Задощины» основание для построения аналогии со «Словом о полку Игореве».

Неточная форма ***поломянный*** вместо ***полемянный*** возникла, видимо, фонетически в силу недостаточной определенности и устойчивости звука ***е*** в данной позиции, а затем под влиянием ***полон*** (*плен*), либо в результате переосмысления слова переписчиками текстов, перешла в ***полоняный***.

Не менее удивительным представляется то, что в русском языке намного раньше, похоже, существовало другое слово того же происхождения. Возможную вариацию русского слова от того же греческого корня находим у Н. М. Карамзина в «Истории Государства Российского»: «Кроме Двинской судной грамоты Василия Дмитриевича мы имеем еще две пятого-на-десять века: Псковскую и Новгородскую. В обеих говорится о *законных поединках* в случае доноса сомнительного. // В *Русской Правде* нет еще ни слова о сих поединках; но в 1228 году они уже были в России способом доказывать свою невинность пред судиями, и назывались ***Полем***.» Эти грамоты (Псковская судная грамота спорно датируется концом XIV — серединой XV века, Новгородская — последней третью XV века), а также в значительной степени сохранившие их положения Судебник Ивана III 1497 года и Судебник Ивана Грозного 1550 года во многих статьях описывают применение и порядок проведения такого публичного судебного поединка. Типичные «юридические» формулы — «присужати ***поле***», «на ***поле*** лезет». Значение слова отмечено и в «Словаре» В. И. Даля: «Стар. судебный поединок и место его. *А досудятся до* ***поля*** (т. е. коли тяжбу решить более нечем, как ***полем***, Божьим судом.)»; «Кому на ***поле*** Божья воля. Кому на ***бою*** Божья милость»; «*Полити поле*, или *полить поединок*, биться полем, судебным поединком.» В. И. Даль не пояснил происхождение этих понятий, однако ясно, что этот судебный поединок не имел отношения к ***полю*** ни как к открытому пространству, ни как к сельскохозяйственной земле. Вероятно, русское слово произошло от греческих **πολέμεω** — *я воюю* и **πολέμια** — *военное искусство* в результате недостаточно точного их понимания (на

фоне **μία** — одной из форм числительного *один*) как *вооруженного поединка*. Здесь можно отметить, что французское название вооруженного поединка — duel (*дуэль*) тоже происходит от слова *война*, только латинского — duellum.

Сюда же, видимо, примыкает ***поленица*** — *богатырь*, преимущественно *богатырша*, русских сказок («Аника-воин», «Сказка о славном, могучем богатыре Еруслане Лазаревиче», «Илья Муромец и дочь его» и др.), поскольку богатыри, в основном, были поединщиками.

Нельзя исключить, что от военного толкования слова ***поле*** произошло выражение «вЂдомы ***полЂводцы***» в списке «Задонщины» Ундольского, обычно воспринимаемое как ошибочное и заменяемое в реконструкциях на «ведоми ***полководцы***» Исторического второго списка. Тем более, что известен их греческий аналог ***полемарх*** — *главнокомандующий* — с начала 7 века до н. э. один из девяти ежегодно избираемых архонтов в Афинах, в руках которого находилось командование армией [20].

Таким образом, совместный анализ употребления слова в двух довольно близких по времени написания древнерусских текстах позволяет предположить, что оно в несколько искаженном виде (возможно, вследствие устной передачи) перешло из греческого, и основной (правильной) его формой было ***поломянные***, как это сохранилось в более древнем Историческом втором списке «Задонщины», а не ***полоняныа***, как приводится в ее реконструкциях с ориентацией на Исторический первый список.

Предлагаемое толкование слова ***поломянный*** как *военный*, *воинственный* представляется единственно возможным согласованным толкованием этого слова в «Задонщине» и «Повести о Басарге», в которых, в силу их исторической близости, оно должно было иметь одно и то же значение.

Очевидно, что неверная форма слова ***полоняные*** *вести* утвердилось под влиянием места в Историческом первом списке «Задонщины», где это слово употреблено вместо ***полоненым*** в фразе «Луче бы посеченым пасти, а не ***полонянымЪ*** воспЂти (? — В. М.) от поганыхЪ», имеющей параллель в «Слове о полку Игореве» — «луце жЪ бы потяту быти, неже ***полонену*** быти», и места в Синодальном списке — «восплакалися жены ***поломяныя***», которое не имеет текстовой параллели в «Слове» и, скорее всего, возникло вследствие ошибки переписчика, но в ходе дискуссии о первичности «Слова» относительно «Задонщины» одно время толковалось как «жены пленников».

Приложение

1. *Слово* о полку Игореве. Библиотека поэта, большая серия (второе издание). Советский писатель, Л., 1967.
2. *«Изборник»*. БВЛ. Художественная литература, М., 1969.
3. *Сказания* и повести о Куликовской битве. Сер. «Литературные памятники». Наука, Л., 1982.
4. *Адрианова-Перетц В.П.* «Задонщина» (Опыт реконструкции авторского текста). ТОДРЛ, т. VI. М.-Л., 1948. С. 223—232.
5. Там же. С. 229.
6. *Лихачев Д.С.* «Слово о полку Игореве». Историко-литературный очерк. М., Просвещение, 1976. С.158.
7. *Адрианова-Перетц В.П.* ТОДРЛ, т. VI. М.-Л., 1948. С. 249.
8. Там же. С. 254, примечание 1.
9. Слово о полку Игореве. Библиотека поэта, большая серия (второк издание). Советский писатель, Л., 1967. С. 535.
10. *«Изборник».* БВЛ. Художественная литература, М., 1969. С. 750.
11. *Сказания* и повести о Куликовской битве. Серия «Литературные памятники». Л., Наука, 1982. С. 135.
12. *Демин А.С.* Из истории древнерусского литературного творчества XI—XVII вв. Герменевтика древнерусской литературы. М., 2004. Вып.11, с. 117.
13. *Повесть* о Дмитрии Басарге и сыне его Борзосмысле. РГБ, собр. Ундольского, №632, с. 105.
14. *Скрипиль М.О.* Повесть о Дмитрии Басарге и сыне его Борзосмысле. Л., Наука, 1969.
15. *«Изборник».* БВЛ. М., Художественная литература, 1969. С. 448
16. *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 2, стб. 1135—36.
17. *Словарь* русского языка XI—XVII вв. Вып.16. М., 1990.
18. *«Изборник».* БВЛ. М., Художественная литература, 1969. С. 756 — примечания Л.А Дмитриева.
19. Столь же близким фонетически является **πολεμίων** — gen. plural от **πολεμίος — *враг*** (сравни: τό των **πολεμίων** τρόπαιον — «трофей (в знак) победы над врагами», ΄ο φόβος των **πολεμίων** — «страх врагов»). Мы бы сказали *вражеский трофей*, *вражий страх*.
20. *Словарь* античности. М., Прогресс, 1989. С. 444.